

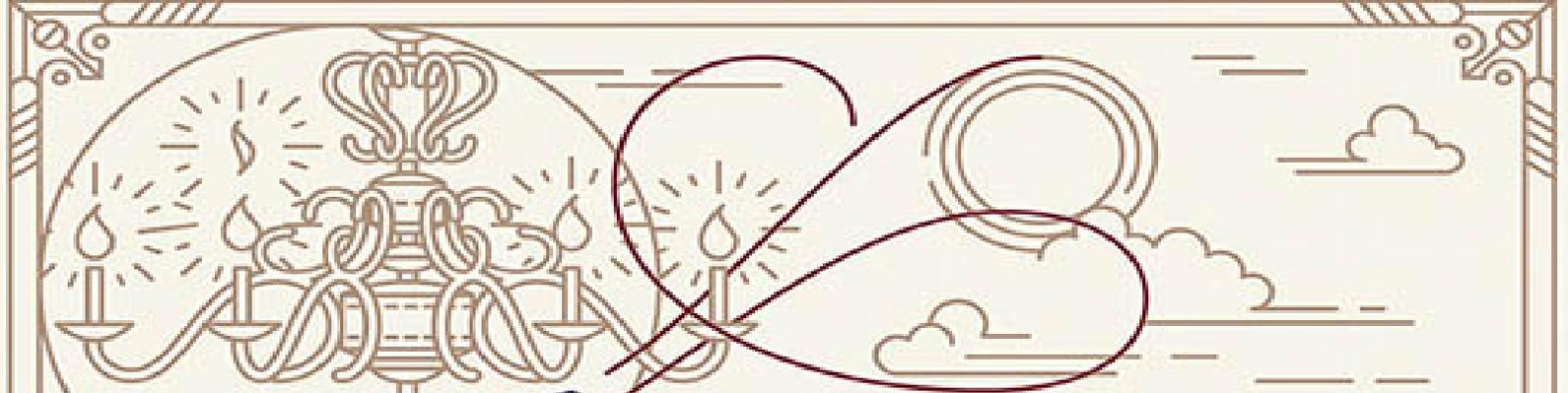
Большие надежды. Сборник

Про книгу

Чарльза Диккенса называют классиком мировой литературы, самым известным романистом Викторианской эпохи. Его проза пронизана истинно английской сдержанностью, остроумием и жизненной мудростью.

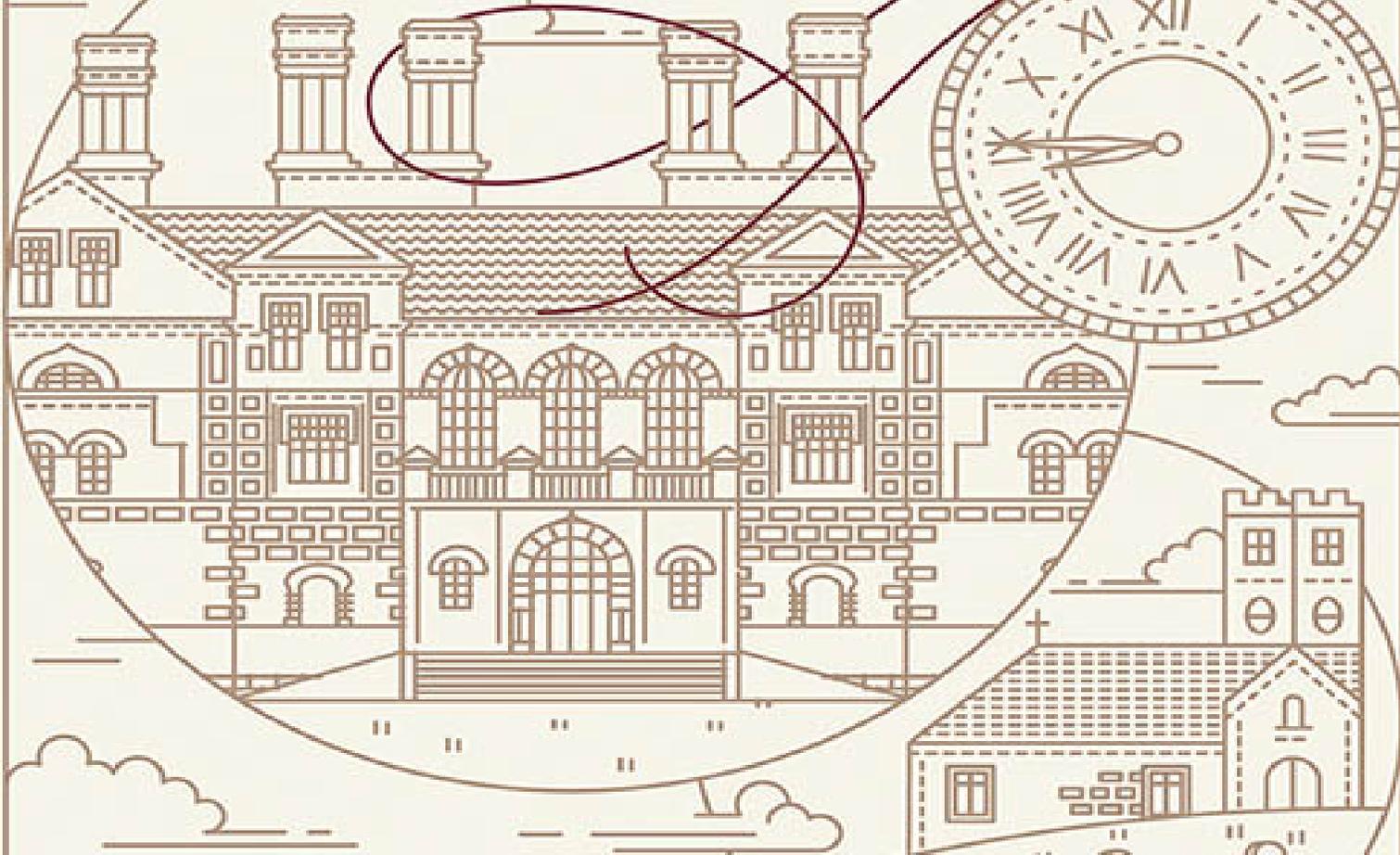
Деревенский мальчишка Пип рано теряет родителей, и его воспитывает деспотичная старшая сестра. Все кардинально меняется, когда Пип соглашается помочь сбежавшему каторжнику. Теперь жизнь Пипа – большие надежды и большие разочарования, любовь и презрение, богатство и новые знакомства... Но придется ли такая жизнь по нраву простому честному мальчишке?

В книгу также вошли произведения «Колокола», «Скряга Скрудж».

БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ

СБОРНИК

Чарльз Диккенс

БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ
КОЛОКОЛА
СКРЯГА СКРУДЖ

Чарльз Диккенс

БОЛЬШИЕ
НАДЕЖДЫ
СБОРНИК

ХАРЬКОВ **КЛУБ**
2016 **СЕМЕЙНОГО**
ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2016

ISBN 978-617-12-1580-1 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Печатается по изданиям:

Диккенс Ч. Большие надежды / Чарльз Диккенс // Приложение к
журналу «Отечественные Записки». — 1861. — №№ 4—8. Диккенс Ч.

Колокола / Чарльз Диккенс // Бесплатное приложение к журналу
«Природа и люди». — 1909.

Диккенс Ч. Скряга Скрудж. Святочная песня в прозе / Чарльз Диккенс.
— СПб: Н. Г. Мартынов, 1898.

Дизайнер обложки *Евгений Мельничук*

Электронная версия создана по изданию:

Диккенс Ч.

Д45 Большие надежды. Сборник / Чарльз Диккенс. — Харьков :
Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО
«Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2016. — 672 с.

ISBN 987-617-12-1072-1 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3640-5 (Россия)

УДК 821.161.1
ББК 84(4Рос)

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2016
© ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», г. Белгород, 2016

БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ

I

Фамилия отца моего была Пиррип, а имя, данное мне при крещении, Филипп. Из этих-то двух имен еще в детстве вывел я нечто среднее — Пип, похожее на то и на другое. Так назвал я себя Пипом да и пошел по белому свету. Пип да Пип, меня иначе и не звали.

О том, что отец мой носил фамилию Пиррип, мне достоверно известно из надписи на его могильной плите, а также со слов моей сестры миссис Джо Гарджери, которая вышла замуж за кузнеца. Оттого, что я никогда не видел ни отца, ни матери, ни каких-либо их портретов (о фотографии в те времена и не слыхивали), первое представление о родителях странным образом связалось у меня с их могильными плитами. По форме букв на могиле отца я почему-то решил, что он был плотный и широкоплечий, смуглый, с черными курчавыми волосами. Надпись «А также Джорджиана, супруга вышереченного» вызывала в моем детском воображении образ матери — хилой веснушчатой женщины. Аккуратно расположенные в ряд возле их могилы пять узеньких каменных надгробий, каждое фута в полтора длиной, под которыми покоились пять моих маленьких братьев, рано отказавшихся от попыток уцелеть во всеобщей борьбе, породили во мне твердую уверенность, что все они появились на свет, лежа навзничь и спрятав руки в карманы штанишек, откуда и не вынимали их за все время своего пребывания на земле.

Мы жили в болотистом крае близ большой реки, в двадцати милях от места ее впадения в море. Вероятно, свое первое сознательное впечатление от окружающего меня широкого мира я получил в один памятный зимний день, уже под вечер. Ближе к вечеру мне впервые стало ясно, что это унылое место, обнесенное оградой и густо заросшее крапивой, — кладбище; что Филип Пиррип, житель сего прихода, а также Джорджиана, супруга вышереченного, умерли и похоронены; что малолетние сыновья их, младенцы Александер, Бартоломью, Абраам, Тобиас и Роджер, тоже умерли и похоронены; что плоская темная даль за оградой, вся изрезанная дамбами, плотинами и шлюзами, среди которых кое-где пасется скот, — это

болота; что замыкающая их свинцовая полоска — река; далекое логово, где родится свирепый ветер, — море; а маленькое дрожащее существо, что затерялось среди всего этого и плачет от страха, — Пип.

— А ну, замолчи! — раздался грозный окрик, и среди могил, возле паперти, внезапно вырос человек. — Не ори, чертенок, не то я тебе горло перережу!

Страшный человек в грубой серой одежде, с тяжелой цепью на ноге! Человек без шапки, в разбитых башмаках, голова обвязана какой-то тряпкой. Человек, который, как видно, мок в воде и полз по грязи, сбивал и ранил себе ноги о камни, человек, которого жгла крапива и рвал терновник! Он хромал и трясся, таращил глаза и хрипел и вдруг, громко стуча зубами, схватил меня за подбородок.

— Ой, не режьте меня, сэр! — в ужасе взмолился я. — Пожалуйста, сэр, не надо!

— Как тебя звать? — спросил человек. — Ну, живо!

— Пип, сэр.

— Как, как? — переспросил человек, сверля меня глазами. — Повтори.

— Пип. Пип, сэр.

— Где ты живешь? — спросил человек. — Покажи!

Я указал пальцем туда, где на плоской прибрежной низине, в доброй миле от церкви, приютилась среди ольхи и ветел наша деревня.

Он поглядел на меня с минуту, потом схватил, повернул кверху ногами и вытряс мои карманы. В них не оказалось ничего, кроме ломтя хлеба. Он так сильно и неожиданно опрокинул меня, что в глазах у меня зарябило, все окружавшие предметы завертелись и шпиль церкви пришелся как раз у меня между ногами. Когда церковь очутилась за прежнем месте, я сидел на высоком камне, дрожа от страха, а он жадно уничтожал мой хлеб.

— Ах ты, щенок! — сказал он, облизываясь. — Какие у тебя, брат, жирные щеки...

Я думаю, они действительно были жирны, хотя в то время я был мал не по летам и некрепкого сложения.

— Черт возьми! Отчего бы мне их не съесть? — осведомился страшный человек, грозно кивая головой. — Да-да, я, кажется, именно это и сделаю.

Я очень серьезно его попросил не делать этого и крепче ухватился за могильный камень, на который он меня посадил, — отчасти для того, чтобы не свалиться, отчасти для того, чтобы сдержать слезы.

— Слышь, ты, — сказал человек. — Где твоя мать?

— Здесь, сэр, — сказал я.

Он вздрогнул и кинулся было бежать, потом, остановившись, оглянулся через плечо.

— Вот здесь, сэр, — робко пояснил я. — «Также Джорджиана». Это моя мать.

— А-а, — сказал он, возвращаясь. — А это, рядом с матерью, твой отец?

— Да, сэр, — сказал я. — Он тоже здесь: «Житель сего прихода».

— Так, — протянул он и помолчал. — С кем же ты живешь или, вернее сказать, с кем жил, потому что я не решил еще, оставить тебя в живых или нет.

— С сестрой, сэр. Миссис Джо Гарджери. Она жена кузнеца, сэр.

— Кузнеца, говоришь? — переспросил он. И посмотрел на свою ногу.

Он несколько раз переводил хмурый взгляд со своей ноги на меня и обратно, потом подошел ко мне вплотную, взял за плечи и запрокинул назад сколько мог дальше, так что его глаза испытующе глядели на меня сверху вниз, а мои растерянно глядели на него снизу вверх.

— Теперь слушай меня, — сказал он, — и помни, что я еще не решил, оставить тебя в живых или нет. Что такое подпилочек, ты знаешь?

— Да, сэр.

— А что такое жратва, знаешь?

— Да, сэр.

После каждого вопроса он легонько встряхивал меня, чтобы я лучше чувствовал грозящую мне опасность и полную свою беспомощность.

— Ты мне достанешь подпилочек. — Он тряхнул меня. — И достанешь жратвы. — Он снова тряхнул меня. — И принесешь все сюда. — Он снова тряхнул меня. — Не то я вырву у тебя сердце с печенкой. — Он снова тряхнул меня.

Я был до смерти перепуган, и голова у меня так кружилась, что я вцепился в него обеими руками и сказал:

— Пожалуйста, сэ, не трясите меня, тогда меня, может, не будет тошнить и я лучше пойму.

Он так запрокинул меня назад, что церковь перескочила через свою флюгарку. Потом выпрямил одним рывком и, все еще держа за плечи, заговорил страшнее прежнего:

— Завтра чуть свет ты принесешь мне подпилочек и жратвы. Вон туда, к старой батарее. Если принесешь, и никому ни слова не скажешь, и виду не подашь, что встретил меня или кого другого, тогда, так и быть, живи. А не принесешь или отступишь от моих слов хоть вот на столько, тогда вырвут у тебя сердце с печенкой, зажарят и съедят. И ты не думай, что мне некому помочь. У меня тут спрятан один приятель, так я по сравнению с ним просто ангел. Этот мой приятель слышит все, что я тебе говорю. У этого моего приятеля свой секрет есть, как добраться до мальчишки, и до сердца его, и до печенки. Мальчишке от него не спрятаться, пусть лучше и не пробует. Мальчишка и дверь запрет, и в постель залезет, и с головой одеялом укроется, и будет думать, что вот, мол, ему тепло и хорошо и никто его не тронет, а мой приятель тихонько к нему подберется да и зарежет! Мне и сейчас-то знаешь, как трудно сделать, чтобы он на тебя не бросился. Я его еле держу, до того ему не терпится тебя сцапать. Ну, что ты теперь скажешь?

Я сказал, что достану ему подпилочек, и еды достану, сколько найдется, и принесу рано утром.

— Повтори за мной: «Разрази меня Бог, если вру», — сказал человек.

Я повторил, и он снял меня с камня.

— А теперь, — сказал он, — не забудь, что обещал, и про того моего приятеля не забудь, и беги домой.

— П-покойной ночи, сэ, — пролепетал я.

— Покойной! — сказал он, окидывая взглядом холодную мокрую равнину. — Где уж тут! В лягушку бы, что ли, превратиться. Либо в угря.

Он крепко обхватил обеими руками свое дрожащее тело, словно опасаясь, что оно развалится, и заковылял к низкой церковной ограде. Он продирался сквозь крапиву, сквозь репейник, окаймлявший зеленые холмики, а детскому моему воображению представлялось, что он

увертывается от мертвецов, которые бесшумно протягивают руки из могил, чтобы схватить его и утащить к себе, под землю.

Он дошел до низкой церковной ограды, тяжело перелез через нее — видно было, что ноги у него затекли и онемели, — а потом оглянулся на меня. Тогда я повернул к дому и пустился наутек. Но, пробежав немного, я оглянулся: он шел к реке, все так же обхватив себя за плечи и осторожно ступая сбитыми ногами между камней, набросанных на болота, чтобы можно было проходить по ним после затяжных дождей или во время прилива.

Я смотрел ему вслед: болота тянулись передо мною длинной черной полосой; и река за ними тоже тянулась полосой, только поуже и посветлее; а в небе длинные кроваво-красные полосы перемежались с густо-черными. На берегу реки глаз едва различал единственные во всем ландшафте два черных предмета, устремленных вверх: маяк, по которому держали курс корабли, — очень безобразный, если подойти к нему поближе, словно бочка, надетая на шест, и виселицу с обрывками цепей, на которой некогда был повешен пират. Человек ковылял прямо к виселице, словно тот самый пират воскрес из мертвых и, прогулявшись, теперь возвращался, чтобы снова прицепить себя на старое место. Мысль эта привела меня в содрогание; заметив, что коровы подняли головы и задумчиво смотрят ему вслед, я спросил себя, не кажется ли им то же самое. Я огляделся, ища глазами кровожадного приятеля моего незнакомца, но ничего подозрительного не обнаружил. Однако страх снова овладел мною, и я, уже не останавливаясь больше, побежал домой.

II

Моя сестра миссис Джо Гарджери была меня старше более чем на двадцать лет и заслужила уважение в собственных глазах и в глазах соседей тем, что воспитала меня «своими руками». Поскольку мне пришлось самому додумываться до смысла этого выражения и поскольку я знал, что рука у нее тяжелая и жесткая и что ей ничего не стоит поднять ее не только на меня, но и на своего мужа, я считал, что нас с Джо Гарджери обоих воспитали «своими руками».

Моя сестра была далеко не красавица; поэтому у меня создалось впечатление, что она и женила на себе Джо Гарджери своими руками. У Джо Гарджери, светловолосого великана, льняные кудри обрамляли чистое лицо, а голубые глаза были до того светлые, как будто их синева нечаянно перемешалась с их же белками. Это был золотой человек, тихий, мягкий, смирный, покладистый, простоватый, Геркулес и по силе своей и по слабости.

У сестры моей, миссис Джо, черноволосой и черноглазой, кожа на лице была такая красная, что я порою задавал себе вопрос: уж не моется ли она теркой вместо мыла? Была она рослая, костлявая и почти всегда ходила в толстом переднике с ляжками на спине и квадратным нагрудником вроде панциря, сплошь утыканным иголками и булавками. То, что она постоянно носила передник, она ставила себе в великую заслугу и вечно попрекала этим Джо. Я, впрочем, не вижу, зачем ей вообще нужно было носить передник или почему, раз уж она его носила, ей нельзя было ни на минуту с ним расстаться.

Кузница Джо примыкала к нашему дому, деревянному, как бо`льшая часть домов в нашей стороне в те времена. Когда я прибежал домой с кладбища, кузница была заперта и Джо сидел в кухне один-одинехонек. Мы с Джо одинаково страдали от ига моей сестры и потому жили душа в душу. Не успел я открыть двери, как Джо крикнул мне:

— Миссис Джо уже раз двенадцать выходила тебя искать, Пип! Она и теперь затем же вышла.

— Не-уже-ли?

— Да, Пип, — сказал Джо. — И, что хуже всего, она взяла с собой хлопушку.

При этом страшном известии я схватился за единственную пуговицу, оставшуюся на моей жилетке, и вперил отчаянный взор в огонь. Хлопушкой мы называли камыш с тоненьким навощенным кончиком, совершенно сглаженным от частого прикосновения с моим телом.

— Она тут сидела, — сказал Джо, — а потом как вскочит, да как схватит хлопушку, да и побежала лютовать на улицу. Вот так-то, — сказал Джо, глядя в огонь и помешивая угли просунутой через решетку кочергой. — Взяла да и побежала, Пип.

— Она давно ушла, Джо? — Я всегда видел в нем равного себе, такого же ребенка, только побольше ростом.

Джо взглянул на стенные часы.

— Да, наверно, уже минут пять как лютует. Ого, идет! Прячься за дверь, дружок, да завесься полотенцем.

Я послушался его совета. Моя сестра миссис Джо распахнула дверь и, почувствовав, что она не отворяется до конца, немедленно угадала причину и стала ее обследовать с помощью хлопушки. Кончилось тем, что она швырнула мною в Джо — в семейном обиходе я нередко служил ей метательным снарядом, — а тот, всегда готовый принять меня на любых условиях, спокойно усадил меня в уголок и загородил своим огромным коленом.

— Где тебя носило, постреленок? — спросила миссис Джо, топнув ногой. — Сейчас же говори, где ты шатался, пока я тут места себе не находила от беспокойства да страха, а не то выволоку тебя из угла, будь вас тут хоть полсотни Пипов и целая сотня Гарджери.

— Я только ходил на кладбище, — сказал я, плача и потирая побитые места.

— На кладбище! — повторила сестра. — Кабы не я, ты бы давно был на кладбище. Кто тебя воспитал своими руками?

— Вы, — сказал я.

— А для чего это мне понадобилось, скажи на милость? — продолжала сестра.

Я всхлипнул:

— Не знаю.

— Ну и я не знаю, — сказала сестра. — В другой раз ни за что бы не стала. Это-то я знаю наверняка. С тех пор как ты родился, я вот этот передник, можно сказать, никогда не снимала. Мало мне горя, что я кузнецова жена (да притом муж-то Гарджери), так нет, изволь еще быть тебе матерью!

Но я уже не прислушивался к ее словам. Я уныло смотрел на огонь, и в злобно мерцающих углях передо мной вставали болота, беглец с тяжелой цепью на ноге, его таинственный приятель, подпилоч, жратва и связывавшая меня страшная клятва обворовать родной дом.

— Н-да! — сказала миссис Джо, водворяя хлопушку на место. — Кладбище! Легко вам говорить «кладбище»! — Один из нас, кстати сказать, не произнес ни слова. — Скоро я по вашей милости сама попаду на кладбище, и хороши вы, голубчики, будете без меня! Нечего сказать, славная парочка!

Воспользовавшись тем, что она стала накрывать на стол к чаю, Джо заглянул через свое колено ко мне в уголок, словно прикидывая в уме, какая из нас получится парочка, в случае если осуществится это мрачное пророчество. Потом он выпрямился и, как обычно бывало во время домашних бурь, стал молча следить за миссис Джо своими голубыми глазами, правой рукой теребя свои русые кудри и бакены.

У моей сестры был особый, весьма решительный способ готовить нам хлеб с маслом.левой рукой она крепко прижимала ковригу к нагруднику, откуда в нее иногда впивалась иголка или булавка, которая затем попадала нам в рот. Потом брала на нож масла (не слишком много) и размазывала его по хлебу, как аптекарь готовит горчичник, проворно поворачивая нож то одной, то другой стороной, аккуратно подправляя и обирая масло у корки. Наконец, ловко оттерев нож о край горчичника, она отпиливала от ковриги толстый ломоть, рассекала его пополам и одну половину давала Джо, а другую мне.

В тот вечер я не посмел съесть свою порцию, хоть и был голоден. Нужно было приберечь что-нибудь для моего страшного знакомца и его еще более страшного приятеля. Я знал, что миссис Джо придерживается строжайшей экономии в хозяйстве и что моя попытка стащить у нее что-нибудь может окончиться ничем. Поэтому я решил на всякий случай спустить свой хлеб в штанину.

Оказалось, что отвага для выполнения этого замысла требуется почти сверхчеловеческая. Словно мне предстояло спрыгнуть с крыши высокого дома или броситься в глубокий пруд. И еще больше затруднял мою задачу ничего не подозревавший Джо. Оттого, что мы, как я уже упоминал, были товарищами по несчастью и в своем роде заговорщиками, и оттого, что он по доброте своей всегда рад был меня позабавить, мы завели обычай — сравнивать, кто быстрее съест хлеб: за ужином мы украдкой показывали друг другу надкусанные ломти, а потом старались еще пуще. В тот вечер Джо несколько раз вызывал меня на это дружеское состязание, показывая мне свой быстро убывающий ломоть; но всякий раз он убеждался, что я держу свою желтую кружку с чаем на одном колене, а на другом лежит мой хлеб с маслом, далее не початый. Наконец, собравшись с духом, я решил, что больше медлить нельзя и что будет лучше, если неизбежное свершится самым естественным при данных обстоятельствах образом. Я улучил минуту, когда Джо отвернулся от меня, и спустил хлеб в штанину.

Джо явно огорчился, вообразив, что я потерял аппетит, и рассеянно откусил от своего хлеба кусок, который, казалось, не доставил ему никакого удовольствия. Он гораздо дольше обычного жевал его, что-то при этом обдумывая, и наконец проглотил, как пилюлю. Потом, нагнув голову набок, чтобы получше примериться к следующему куску, он невзначай поглядел на меня и увидел, что мой хлеб исчез.

Изумление и ужас, изобразившиеся на лице Джо, когда он, не успев донести ломоть до рта, впился в меня глазами, не ускользнули от внимания моей сестры.

— Что там еще случилось? — сварливо спросила она, отставляя чашку.

— Ну, знаешь ли! — пробормотал Джо, укоризненно качая головой. — Пип, дружок, ты себе этак и повредить можешь. Он где-нибудь застрянет. Ты ведь не прожевал его, Пип.

— Что еще случилось? — повторила сестра, повысив голос.

— Я тебе советую, Пип, — продолжал ошеломленный Джо, — ты покашляй, может, хоть немножко да выскочит. Ты не смотри, что это некрасиво, ведь здоровье-то важнее.

Тут сестра моя совсем взбеленилась. Она налетела на Джо, схватила его за волосы и стала колотить головой об стену, а я виновато взирал

на это из своего угла.

— Теперь ты, может быть, скажешь мне, что случилось, боров ты пучеглазый, — выговорила она, переводя дух.

Джо рассеянно посмотрел на нее, потом так же рассеянно откусил от своего ломтя и опять уставился на меня.

— Ты ведь знаешь, Пип, — торжественно произнес он, засунув хлеб за щеку и таким таинственным тоном, словно, кроме нас, в комнате никого не было, — мы с тобой друзья, и я никогда не стал бы тебя выдавать. Но чтобы так... — он отодвинул свой стул, посмотрел на пол, потом опять перевел глаза на меня, — чтобы враз проглотить целый ломоть...

— Опять глотает, не прожевав? — крикнула сестра.

— Ты пойми, дружок, — сказал Джо, глядя не на миссис Джо, а на меня и все еще держа свой кусок за щекой, — я в твоём возрасте и сам так озорничал и много мальчишек видел, которые этикие штуки выкидывали; но такого я сроду не запомню, Пип, и счастье еще, что ты жив остался.

Сестра коршуном налетела на меня и за волосы вытащила из угла, ограничившись зловещими словами:

— Открой рот.

В то время какой-то скотина-лекарь снова пустил в ход дегтярную воду, и миссис Гарджери всегда держала порядочный запас ее в шкафу. Она, кажется, верила, что целебные свойства этой воды вполне соответствовали противному вкусу. Этот целительный эликсир давали мне в таких количествах, что, боюсь, порой от меня несло дегтем, как от нового забора. В тот вечер, ввиду серьезности заболевания, дегтярной воды потребовалась целая пинта, каковую в меня и влили, для чего миссис Джо зажала мою голову под мышкой, словно в тисках. Джо отделался половинной дозой, которую его, однако, заставили проглотить (к великому его расстройству — он размышлял о чем-то у огня, медленно дожевывая хлеб), потому что его «схватило». Судя по собственному опыту, могу предположить, что схватило его не до приема лекарства, а после.

Укоры совести тяжелы и для взрослого, и для ребенка; когда же у ребенка к одному тайному бремени прибавляется еще и другое, спрятанное в штанине, это — могу засвидетельствовать — поистине

суровое испытание. От греховной мысли, что я намерен обокрасть миссис Джо (что я намерен обокрасть самого Джо, мне и в голову не приходило, потому что я никогда не считал его хозяином в доме), а также от необходимости и сидя и на ходу все время придерживать рукою хлеб я едва не лишился рассудка. А когда угли в очаге разгорались и вспыхивали от ветра, налетавшего с болот, мне чудился за дверью голос человека с цепью на ноге, который связал меня страшной клятвой и теперь говорил, что не может и не хочет голодать до утра, а подавай ему поесть сейчас же. Беспокоил меня и его приятель, так жаждавший моей крови, — а вдруг у него не хватит терпения или же он по ошибке решит, что может угоститься моим сердцем и печенкой не завтра, а уже сегодня. Да, если у кого-нибудь волосы вставали дыбом от ужаса, так, наверно, у меня в тот вечер. Но, может, это только так говорится?

Дело было в сочельник, и меня заставили от семи до восьми, по часам, месить скалкой рождественский пудинг. Я попробовал месить с грузом на ноге (при этом лишний раз вспомнив про груз на ноге того человека), но от каждого моего движения хлеб неудержимо стремился выскочить наружу. К счастью, мне удалось под каким-то предлогом ускользнуть из кухни и спрятать его у себя в каморке под крышей.

— Что это? — спросил я, когда, покончив с пудингом, сел у огня погреться, пока меня не погнали спать. — Это пушка стреляет, Джо?

— Угу, — ответил Джо. — Опять арестант дал тягу.

— Что ты сказал, Джо?

Миссис Джо, всегда предпочитавшая сама давать объяснения, отчеканила: «Сбежал. Утек», — так же безапелляционно, как поила меня дегтярной водой.

Видя, что миссис Джо снова склонилась над рукоделием, я беззвучно, одними губами, спросил у Джо: «Что такое арестант?», а он, тоже одними губами, произнес в ответ длинную фразу, из которой я разобрал только одно слово — Пип.

— Один арестант дал тягу вчера вечером, после заката, — сказал Джо вслух. — Они тогда стреляли, чтобы оповестить об этом. Теперь, видно, оповещают о втором.

— Кто стрелял? — спросил я.

— Вот несносный мальчишка, — вмешалась сестра, оторвавшись от работы и строго взглянув на меня, — вечно он лезет с вопросами. Кто вопросов не задает, тот лжи не слышит.

Я подумал, как невежливо она говорит о себе, — значит, если я буду задавать вопросы, то услышу от нее ложь. Но вежливой она бывала только при гостях.

Тут Джо еще подлил масла в огонь: широко раскрыв рот, он старательно изобразил губами слово, которое я истолковал как «блажит». Я, натурально, показал на миссис Джо и произнес одним придыханием:

— Она?

Но Джо и слышать об этом не хотел и, снова разинув рот, нечеловеческим усилием выдавил из себя какое-то слово, какое — я так и не понял.

— Миссис Джо, — обратился я с горя к сестре, — объясните, пожалуйста, — мне очень интересно, — откуда это стреляют?

— Господи помилуй! — воскликнула сестра так, словно просила для меня у Господа чего угодно, но только не помилования. — Да с баржи!

— А-а, — протянул я, глядя на Джо. — С баржи!

Джо укоризненно кашлянул, словно хотел сказать: «Я же так и говорил!»

— А что это за баржа? — спросил я.

— Наказание с этим мальчишкой! — вскричала сестра, указывая на меня рукой, в которой держала иголку, и качая головой. — Ответишь ему на один вопрос, так он тебе еще десять задаст. Плавучая тюрьма на старой барже, что стоит за болотами.

— Интересно, кого сажают в эту тюрьму и за что, — сказал я с мужеством отчаяния, ни к кому особо не адресуясь.

Терпение у миссис Джо лопнуло.

— Вот что, голубчик, — сказала она, быстро вставая, — не для того я воспитала тебя своими руками, чтобы ты из людей душу выматывал. Не велика бы мне тогда была честь. В тюрьму людей сажают за убийство, за кражу, за подлоги, за разные хорошие дела, а начинают они всегда с того, что задают дурацкие вопросы. А теперь — марш в постель.

Брать с собой наверх свечу мне не разрешалось. Я ощупью поднимался по лестнице, в ушах у меня звенело, потому что миссис Джо, в подкрепление своих слов, наперстком отбивала дробь на моей макушке, и я с ужасом думал о том, как удобно, что плавучая тюрьма так близко от нас. Было ясно, что мне ее не миновать: я начал с дурацких вопросов, а теперь собираюсь обокрасть миссис Джо.

Много раз с того далекого дня я задумывался над этой способностью детской души глубоко затаить в себе что-то из страха, пусть совершенно неразумного. Я смертельно боялся кровожадного приятеля, зарившегося на мое сердце и печеньку; я смертельно боялся моего знакомца с цепью на ноге; связанный страшной клятвой, я смертельно боялся самого себя и не надеялся на помощь всемогущей сестры, которая на каждом шагу шпыняла меня и осаживала. Страшно подумать, на какие дела меня можно было бы толкнуть, запугав и принудив к молчанию.

В ту ночь, едва я закрывал глаза, мне мерещилось, что быстрым течением меня несет прямо к старой барже; вот я проплываю мимо виселицы, и призрак пирата кричит мне в трубу, чтобы я выходил на берег, потому что меня давно пора повесить. Даже если бы мне хотелось спать, я бы боялся уснуть, помня, что, чуть рассветет, мне предстоит очистить кладовую. Ночью об этом нечего было и думать — в то время зажечь свечу было не так-то просто; искру высекали огнивом, и я бы на шумел не меньше, чем сам пират, если бы он загромыхал своими цепями.

Как только черный бархатный полог за моим оконцем начал бледнеть, я встал и отправился вниз, и каждая половица и каждая щель в половице кричала мне вслед: «Держи вора!», «Проснитесь, миссис Джо!» В кладовой, где по случаю праздника всякой снеди было больше обычного, меня сильно напугал заяц, подвешенный за задние ноги, — мне показалось, что он хитро подмигивает у меня за спиной. Однако проверить мое подозрение было некогда, и долго выбирать было некогда, у меня не было ни минуты лишней. Я стащил краюху хлеба, остаток сыра, полбанки фруктовой начинки (завязав все это в носовой платок вместе с вчерашним ломтем), отлил немного бренди из глиняной бутылки в склянку, которая была припрятана у меня на предмет изготовления крепкого напитка — лакричной настойки, а

бутыль долил из кувшина, стоявшего в кухонном буфете, стащил кость почти без мяса и великолепный круглый свиной паштет. Я совсем было ушел без паштета, но в последнюю минуту меня взяло любопытство, что это за миска, накрытая крышкой, стоит в самом углу на верхней полке, и там оказался паштет, который я и забрал в надежде, что он приготовлен впрок и его не сразу хватятся.

Из кухни была дверь прямо в кузницу, я отпер ее, отодвинул засов и среди инструментов Джо нашел подпилочек. Потом снова задвинул все болты и засовы, открыл входную дверь и, затворив ее за собой, побежал в туман, на болота.

III

Утро было сырое, туманное; окно мое вспотело, и капли воды струились по нему, будто леший проплакал там всю ночь и оросил его слезами. Сырость виднелась везде на голых плетнях и на скудной траве, раскинувшись, как паутина, от одного сучка к другому, от одной былинки к другой. Все было мокро, и заборы и ворота, а туман стоял такой густой, что я издали даже не заметил указательного перста на столбе, направлявшего путешественников в наше село (хотя, надо заметить, они никогда не следовали этому указанию и не заходили к нам). Когда я подошел ближе и взглянул на него, вода с него стекала на землю капля за каплею, и моей нечистой совести он показался каким-то привидением, обрекавшим меня на заключение на той самой барже. Туман стал еще гуще, когда я пошел по самому болоту: не я уже бежал на предметы, а предметы, казалось, бежали на меня. Это было очень неприятно для нечистой совести. Шлюзы, рвы, насыпи как бы бросались на меня из тумана и кричали: «Стой! Мальчишка украл чужой пирог, держи его!» Так же неожиданно я столкнулся и с целым стадом, вылупившим на меня глаза и испускавшим пар из ноздрей; стадо кричало: «Эй, воришка!» Один черный бык, в белом галстуке, напоминавший мне пастора, так упрямо смотрел на меня и так неодобрительно мотал головой, что я не вытерпел и завопил:

— Я не мог этого не сделать, сэр! Я ведь взял не для себя!

В ответ на мои слова он опустил голову, выпустил из ноздрей целое облако пара и скрылся, лягая задними ногами и виляя хвостом.

Я быстро приближался к реке, но, хотя я очень спешил, ноги у меня ничуть не согревались; ледяная сырость сковала их, как железо сковало ногу человека, на свидание с которым я бежал. Дорога на батарею была мне известна — я ходил туда с Джо как-то в воскресенье, и Джо, сидя на старой пушке, еще сказал мне в тот раз, что, когда меня честь честью запишут к нему в подмастерья, то-то будет расчудесно! И все же, сбившись в тумане с пути, я забрал слишком далеко вправо, и мне пришлось возвращаться обратно берегом реки, по каменистой дорожке вдоль илистой кромки и свай,

задерживающих воду во время прилива. Стараясь не терять ни минуты, я живо перебрался через канаву, проходившую, как я помнил, совсем близко от батареи, и только что влез на противоположный откос, как увидел своего знакомца. Он сидел ко мне спиной, скрестив руки, и покачивался, словно во сне.

Решив устроить приятный сюрприз, я тихонько подошел к нему сзади и тронул его за плечо. Он мигом вскочил, и что же? Это был не тот человек, а совсем другой!

Однако у этого человека тоже была грубая серая одежда и железная цепь на ноге, и он хромал, и хрипел, и дрожал от холода, совсем как тот; только лицо было другое, и на голове — широкополая шляпа с низкой тульей. Все это я увидел в одно мгновение, потому что всего мгновение и видел его: он выругался и хотел меня ударить, но лишь замахнулся неуверенным, слабым движением — и сам едва удержался на ногах, а потом побежал прочь, в туман, два раза споткнулся, и тут я потерял его из виду.

«Это и есть тот приятель!» — подумал я, и у меня больно закололо в сердце. Вероятно, у меня и печенка бы заболела, если бы я только знал, где она находится.

Теперь мне оставалось добежать несколько шагов до батареи, где мой знакомец, поджидая меня, уже ковылял взад-вперед, обхватив себя руками, словно не прекращал этого занятия всю ночь. Он, как видно, совсем продрог. Я бы не удивился, если бы он тут же, не сходя с места, упал и замерз насмерть. Глаза у него были ужасно голодные: когда он, взяв у меня подпилочек, положил его на траву, я даже подумал, что он, наверно, попытался бы его съесть, если бы не увидел моего узелка. На этот раз он не стал переворачивать меня вниз головой, а предоставил мне самому вывернуть карманы и развязать узелок.

— Что в бутылке, мальчик? — спросил он.

— Бренди.

Он уже начал набивать себе рот фруктовой начинкой — причем похоже было, что он не столько ест ее, сколько в страшной спешке убирает куда-то подальше, — но тут он сделал передышку, чтобы глотнуть из бутылки. Его так трясло, что, закусив горлышко бутылки зубами, он едва не отгрыз его.

— У вас, наверно, лихорадка, — сказал я.

— Скорей всего, мальчик.

— Тут очень нездоровое место, очень сырое, — сообщил я ему. — Вы лежали на земле, а этак ничего не стоит схватить лихорадку. Или ревматизм.

— Ну, я еще успею закусить, пока лихорадка меня не свалила, — сказал он. — Знай я, что меня за это вздернут вон на той виселице, я бы и то закусил. Настолько-то я справлюсь со своей лихорадкой.

Он глодал кость, заглатывал вперемешку мясо, хлеб, сыр и паштет, но все время зорко всматривался в окружающий нас туман, а порой даже переставал жевать, чтобы прислушаться.

Внезапно он вздрогнул — то ли услышал, то ли ему почудилось, как что-то звякнуло на реке или фыркнула какая-то зверюшка на болоте, — и спросил:

— А ты не обманул меня, чертенок? Никого с собой не привел?

— Нет, нет, сэр!

— И никому не наказывал идти за тобой следом?

— Нет!

— Ладно, — сказал он, — я тебе верю. Никудышным ты был бы щенком, ежели бы с этих лет тоже стал травить колодника несчастного, уже и так затравленного до полусмерти.

Что-то булькнуло у него в горле, как будто там были спрятаны часы, которые сейчас начнут бить, и он провел по глазам грязным разодранным рукавом.

Мне стало очень жалко его, и, глядя, как он, покончив с остальным, всерьез принялся за паштет, я набрался храбрости и заметил:

— Я очень рад, что вам нравится.

— Ты что-нибудь сказал?

— Я сказал, я очень рад, что вам нравится паштет.

— Спасибо, мальчик. Паштет хоть куда.

Я часто смотрел, как ест наша большая дворовая собака, и теперь вспомнил ее, глядя на этого человека. Он ел торопливо и жадно — ни дать ни взять собака; глотал слишком быстро и слишком часто и все озирался по сторонам, словно боясь, что кто-нибудь подбежит к нему и отнимет паштет. Мне думалось, что в таком волнении и спешке он его и не распробует как следует и что если бы он ел не один, то наверняка

стал бы лязгать зубами на своего соседа. Все это в точности напоминало нашу собаку.

— А ему вы ничего не оставите? — осведомился я робко, после некоторого колебания, потому что опасался, как бы мои слова не показались ему невежливыми. Ведь больше я ничего не могу вам достать. Это я знал твердо, и только потому и решился заговорить.

— Ему не оставлю? Кому это? — спросил он, сразу перестав хрустеть корочкой от паштета.

— Вашему приятелю. О котором вы говорили. Который у вас спрятан.

— Ах, ты вот о чем, — ответил он с грубоватым смехом. — Ему-то? Так, так. Ну, он в еде не нуждается.

— А мне показалось, что нуждается, — сказал я.

Он оторвался от еды и в полном изумлении впился в меня глазами.

— Показалось? Когда это?

— Да вот только что.

— Где?

— Там, — указал я пальцем, — вон там; он спал, и я еще подумал, что это вы.

Он схватил меня за шиворот и так сверкнул глазами, что я испугался, как бы ему опять не захотелось перерезать мне горло.

— И одет так же, как вы, только в шляпе, — объяснил я, весь дрожа, — и... и... — мне очень хотелось выразиться помягче, — и ему для того же самого нужен подпилочек. Разве вы вчера вечером не слышали, как палила пушка?

— Значит, и вправду стреляли, — сказал он, точно про себя.

— Странно, как вы еще сомневаетесь, — удивился я. — Мы дома все слышали, а это дальше, и двери у нас были закрыты.

— А ты то сообрази, что, когда человек один на этом болоте, и голова у него пустая, и в брюхе пусто, и сам он еле живой от холода и голода, он всю ночь только и слышит, что выстрелы и голоса. Да что там слышит! Он видит, как солдаты окружают его, видит их красные мундиры при свете факелов. Слышит, как выкрикивают его номер, как его окликают, как щелкают мушкетеры, слышит команду: «Готовься! Целься!», и его хватают... и вдруг ничего этого нет. Да я за ночь не раз, а сто раз видел, что за мной гонятся солдаты — топ, топ сапожищами,

черт бы их побрал! А пушки? Я уж когда рассвело, и то видел, как туман колышется от выстрелов... Ну, а этот человек, — до сих пор он говорил так, словно забыл о моем существовании, — ты не заметил в нем ничего особенного?

— У него лицо было сильно разбито, — сказал я, припомнив то, что и сам не знал, когда успел заметить.

— Вот здесь? — воскликнул он, безжалостно хлопнув себя ладонью по левой щеке.

— Да, здесь.

— Где он? — Человек запихал остатки еды за пазуху. — Показывай, куда он пошел! Я его выслежу не хуже ищейки. Ох, еще эта цепь на ноге, будь она проклята! Поддай-ка мне подпилочек.

Я указал, в какой стороне туман поглотил незнакомца, и он, подняв голову, взглянул туда, но в следующую минуту он уже сидел на спутанной мокрой траве и как одержимый пилил железное кольцо, не обращая внимания ни на меня, ни на свою ногу, которая была стерта до крови, что не мешало ему обходиться с нею так, словно она сама была железная. Теперь, когда он довел себя до такого исступления, мне опять стало с ним очень страшно, и страшно было, что дома заметят мое долгое отсутствие. Я сказал ему, что мне пора домой, но он будто не слышал, и я решил уйти потихоньку. Я оглянулся на него напоследок, — низко пригнувшись, он продолжал что есть силы пилить железное кольцо, вполголоса ругая и его, и собственную ногу. Пробежав несколько шагов, я прислушался — и скрежет подпилка донесся до меня из тумана.

IV

Я вполне был уверен, что в кухне найду полицейского, пришедшего за мной. Но там не только не оказалось никакого полицейского, но даже не поняли, что я что-то стащил. Миссис Джо суетилась, убирая в доме к праздничному ужину, а Джо сидел на ступеньке у кухонной двери: его туда выпроводили, чтобы он не попал в мусорную корзину, что всегда с ним случалось, когда сестра моя принималась чистить полы.

— А тебя где носило? — услышал я от миссис Джо в виде праздничного приветствия, лишь только мы с моей совестью показались в дверях.

Я сказал, что ходил слушать, как славят Христа.

— Ну, это еще куда ни шло, — процедила миссис Джо. — А то ведь с тебя станется.

Я подумал, что это верно.

— Не будь я кузнецовой женой, а стало быть, рабой несчастной, которой и передник-то снять некогда, я бы, может, и сама сходила послушать, — сказала миссис Джо. — Я смерть люблю, когда Христа славят, потому мне, наверно, и не удастся никогда послушать.

Увидев, что совок отступил от порога, Джо вслед за мной бочком пробрался в кухню и в ответ на гневный взгляд миссис Джо примирительно почесал переносицу, а когда сестра отвернулась, молча скрестил указательные пальцы и подмигнул мне. Этим условным знаком мы сообщали друг другу, что миссис Джо не в духе, а поскольку это было обычное ее состояние, мы с Джо, можно сказать, иногда на целые недели уподоблялись надгробным статуям рыцарей, с той разницей, что они, как известно, лежат скрестив ноги.

Обед нам предстоял поистине роскошный — соленый окорок с гарниром и фаршированные куры. Сладкий пирог был испечен еще вчера утром (почему никто и не хватился остатков фруктовой начинки), а пудинг уже стоял на огне. Ввиду такого обеденного изобилия завтрак нам попросту отменили.

— Чтобы я еще вас с утра кормила, да поила, да посуду за вами мыла, — сказала миссис Джо, — когда мне с обедом дай бог управиться, —

нет уж, увольте!

Она сунула нам по ломтю хлеба так, словно мы были полк солдат на походе, а не мужчина и ребенок у себя дома, и мы стыдливо запили его молоком, разбавленным водой, из стоявшего на полке кувшина. А миссис Джо тем временем повесила на окна чистые белые занавески, сменила пышную цветастую оборку над очагом и открыла взорам маленькую парадную гостиную, где в остальное время года никто не бывал и все недвижимо покоилось в холодном блеске серебряной бумаги — даже четыре белые фарфоровые собачки на камине, совершенно одинаковые, с черными носами и с корзиночками цветов в зубах. Миссис Джо была очень чистоплотной хозяйкой, но обладала редкостным умением обращать чистоту в нечто более неуютное и неприятное, чем любая грязь. Чистоплотность, говорят, сродни благочестию, и есть люди, достигающие того же своей набожностью.

Будучи всегда занята по горло, сестра моя посещала церковь через доверенных лиц; другими словами, в церковь ходили Джо и я. В рабочем платье Джо выглядел ладным мужчиной, заправским кузнецом; в парадном же костюме он больше всего напоминал расфранченное огородное пугало. Все, что он надевал по праздникам, было ему не впору, словно с чужого плеча, все ему жало, тянуло. И в этот день, когда зазвонили в церкви и он вышел из своей комнаты, закованный с головы до пят в праздничные доспехи, вид у него был самый несчастный. Что касается меня, то у сестры, видимо, сложилось обо мне представление как о малолетнем преступнике, который в самый день своего рождения был взят под надзор полицейским акушером и передан ей с внушением — действовать по всей строгости закона. Она всегда обращалась со мною так, точно я появился на свет из чистого упряма, вопреки всем велениям разума, религии и нравственности и наперекор увещаниям своих лучших друзей. Даже когда мне заказывали новое платье, от портного требовали, чтобы оно являло собой нечто вроде колодок и ни в коем случае не оставляло мне свободы движений.

Поэтому не одно жалостливое сердце, должно быть, сжималось при виде того, как мы с Джо шествуем в церковь. Однако куда горше телесных страданий были душевные муки, которые я испытывал. Страх, охватывавший меня всякий раз, как миссис Джо приближалась

к кладовой или выходила из кухни, мог сравниться только с раскаянием при мысли о содеянном мною. Подавленный своим тайным проступком, я размышлял о том, в силах ли будет церковь оградить меня от мщения ненасытного «приятеля», если я во всем ей откроюсь. Я уже решил, что самое подходящее время, чтобы встать и попросить о частной беседе в ризнице, наступит, когда священник прочтет оглашение и скажет: «Все, имеющие что-либо против, объявите о том немедленно!» И вполне возможно, что, будь в тот день не Рождество, а воскресенье, я действительно прибегнул бы к этой крайней мере, тем повергнув в изумление наших немногочисленных прихожан.

Обедать к нам были приглашены псаломщик мистер Уопсл, колесник мистер Хабл со своей женой миссис Хабл и дядя Памблчук, состоятельный торговец зерном из соседнего городка, разъезжавший в собственной тележке (он приходился дядей нашему Джо, но миссис Джо присвоила его себе). Обед был назначен на половину второго. Когда мы с Джо вернулись из церкви, стол был уже накрыт, миссис Джо готова, обед почти готов, парадная дверь отперта для приема гостей (обычно она стояла на запоре), словом — все обстояло как нельзя лучше. И о краже по-прежнему — ни звука.

Пришло время обеда, не принесся мне никакого облегчения; пришли и гости. Мистер Уопсл, джентльмен с римским носом и огромным блестящим лысым лбом, обладал низким раскатистым голосом, которым необычайно гордился; среди его знакомых было даже распространено мнение, что, только дай ему волю, он заткнул бы за пояс нашего священника; и сам он не раз говорил, что, будь двери церкви открыты (для всех желающих служить в ней), он не преминул бы отличиться на этом поприще. Поскольку же двери церкви открыты не были, он, как я уже сказал, был у нас псаломщиком. Но «аминь» звучало в его устах поистине сокрушительно, а перед тем, как объявить псалом — непременно весь первый стих до конца, — он всегда, бывало, оглядывал собравшихся, словно говоря: «Вы слышали с кафедры голос нашего друга; ну а это как вам понравится?»

Я открывал гостям дверь — с таким видом, будто открывать эту дверь для нас самое привычное дело, — и впустил сначала мистера Уопсла, потом мистера и миссис Хабл и наконец дядю Памблчука,

которого мне, кстати сказать, запрещалось называть дядей под страхом самого сурового наказания.

— Миссис Джо, — возгласил дядя Памблчук, грузный неповоротливый мужчина, страдающий одышкой, с выпученными глазами, рыбьим ртом и изжелта-рыжими волосами, торчком стоявшими на голове, так что казалось, точно его недавно душили и он еще не совсем очнулся. — Я принес вам по случаю праздника... я принес вам, сударыня, бутылочку хереса и еще, сударыня, бутылочку портвейна.

Из года в год он являлся к нам на Рождество и произносил, как великую новость, в точности те же слова, держа свои бутылки на манер гимнастических гирь. Из года в год миссис Джо отвечала ему, как и в этот раз: «Ах, дядя Памблчук! Какое баловство!» Из года в год он возражал, как и в этот раз: «По заслугам и честь. Ну, как вы тут? Скрипите помаленьку? Как наш пенни с фартингом?» Последнее относилось ко мне.

Обедали мы в этих случаях в кухне, а потом переходили в гостиную есть орехи, апельсины и яблоки, причем переход этот очень напоминал переодевание Джо из рабочего платья в парадный костюм. Сестра моя была в тот день необычайно оживлена; впрочем, общество миссис Хабл всегда оказывало на нее благотворное действие. Миссис Хабл запомнилась мне как маленькая сухощавая женщина с кудряшками, в небесно-голубом платье, притязавшая на неувядаемую молодость по той причине, что была намного моложе мистера Хабла, когда в давно прошедшие времена выходила за него замуж. Мистер Хабл запомнился мне как крепкий высокий сутулый старик, приятно пахнувший опилками и на ходу так широко расставлявший ноги, что, когда я в раннем детстве встречал его на деревенской улице, мне открывался между ними вид на всю нашу округу.

В этом почтенном обществе я чувствовал бы себя прескверно, даже если бы не ограбил кладовую. И не потому, что мне было тесно сидеть и острый угол стола впивался мне в грудь, а локоть Памблчука лез в глаза; и не потому, что мне не велели разговаривать (я и сам не хотел разговаривать) или что на мою долю доставались только жесткие куриные лапки и те глухие закоулки окорока, которыми свинья при жизни имела меньше всего оснований гордиться. Нет; это все было бы

с полбеды, если бы взрослые оставили меня в покое. Но они не оставляли меня в покое. Они словно хватались за всякую возможность перевести разговор на мою особу и чем-нибудь да кольнуть меня. И я, как несчастный бычок на арене испанского цирка, болезненно ощущал уколы этих словесных копий. Началось это, лишь только мы сели за стол. Мистер Уопсл продекламировал молитву — теперь я бы сказал, что это было нечто среднее между духом Гамлетова отца и Ричардом Третьим, но с сильной примесью благочестия, — и под конец, как подобает, высказал упование, что мы будем вечно благодарны Творцу. Тут сестра уставилась на меня и проговорила тихо и укоризненно:

— Слышишь? Будь благодарен.

— Особенно же, мальчик, — сказал мистер Памблчук, — будь благодарен тем, кто воспитал тебя своими руками.

Миссис Хабл покачала головой и, устремив на мою особу безнадежный взгляд, казалось, говоривший, что ничего путного из меня не выйдет, спросила:

— И почему это дети всегда такие неблагодарные?

Все стали в тупик перед этой загадкой, и только мистер Хабл разгадал ее, сухо отрезав:

— Такими уж рождаются уродами.

Все подтвердили вполголоса:

— Истинная правда! — и посмотрели на меня как-то особенно враждебно.

При гостях Джо (если только это возможно) значил в доме еще меньше, чем без них. Но по мере сил он всегда выручал и утешал меня и за обедом давал мне как можно больше подливки, если таковая имелась. В тот день подливки было много, и Джо тотчас зачерпнул мне ее с полпинты.

Мистер Уопсл довольно строго отозвался о проповеди, которую мы слышали в то утро, и дал понять в общих чертах, какую проповедь произнес бы он сам в том маловероятном случае, если бы двери церкви были открыты. Познакомив присутствующих с главными пунктами этого сочинения, он заявил, что, на его взгляд, и тема была выбрана священником неудачно, а это уж вовсе непростительно, потому что хороших тем, как он выразился, «хоть пруд пруди».

— Правильно, — сказал дядя Памблчук. — В самую точку попали, сэр! Тем действительно хоть пруд пруди, только надо суметь насыпать им соли на хвост. В этом вся штука. За темами недалеко ходить, была бы солонка наготове. — Немного подумав, мистер Памблчук добавил: — Взять хотя бы свинину. Чем не тема? Если вам нужна тема, повторяю, возьмите свинину!

— Совершенно верно, сэр, — отвечал мистер Уопсл. — Для малолетних... — я уже знал, что сейчас он прилетит меня, — ...в высшей степени благодарная и поучительная тема. — («Слушай хорошенько», — в скобках цыкнула на меня сестра.)

Джо добавил мне подливки.

— Свинья! — продолжал мистер Уопсл глубочайшим басом, указуя вилкой на мою смущенную физиономию, словно называл меня по имени. — Со свиньями водил компанию блудный сын. Прожорливость свиней приводится как дурной пример в назидание малолетним. — («А сам только что расхваливал окорок, — подумал я, — какой он жирный да сочный».) — То, что предосудительно в свинье, тем более предосудительно в мальчике.

— Или в девочке, — подсказал мистер Хабл.

— Ну, разумеется, мистер Хабл, — согласился мистер Уопсл не без досады, — но девочек я здесь не вижу.

— К тому же подумай, — сказал мистер Памблчук, внезапно наскакывая на меня, — как ты должен быть благодарен судьбе. Доведись тебе родиться маленьким визгливым поросенком...

— А он как раз и был таким, — убежденно заметила моя сестра.

Джо добавил мне подливки.

— Да, но я имею в виду поросенка четвероногого, — сказал мистер Памблчук. — Доведись тебе родиться свинушкой, был бы ты сейчас здесь, а? Как бы не так.

— Разве что в таком виде, — сказал мистер Уопсл, кивая на блюдо.

— Но я говорю не о таком виде, сэр, — с досадой возразил мистер Памблчук, не любивший, чтобы его перебивали. — Я хотел сказать, мог бы он тогда наслаждаться обществом старших, просвещать свой ум их беседой и купаться в роскоши? Я спрашиваю, мог бы или нет? Нет, не мог бы. А что бы тебя тогда ожидало? — снова наскочил он на меня. — Продали бы тебя за столько-то шиллингов, смотря по тому,

какая этому товару цена на рынке, и мясник Данстебл поднял бы тебя с соломенной подстилки, прихватил бы левым локтем, а правой рукой отвернул бы полу, чтобы достать из кармана ножичек, и пролилась бы твоя кровь, и пришел бы тебе конец. Тут уж никто не стал бы воспитывать тебя своими руками. Где там!

Джо предложил мне еще подливки, но я побоялся взять.

— Он, должно быть, доставил вам немало хлопот, сударыня, — сказала миссис Хабл, преисполнившись сострадания к моей сестре.

— Хлопот? — отозвалась та. — Хлопот? — И пустилась перечислять все болезни, в которых я провинился, и все случаи моей злостной бессонницы, и все деревья и крыши, с которых я падал, и все пруды и канавы, в которых я чуть не утонул, и все мои синяки и ссадины, и сколько раз она молила Бога о моей смерти, а я упорно отказывался умирать.

Я склонен думать, что римляне изрядно раздражали друг друга своими носами. Поэтому, возможно, из них и получился такой непоседливый народ. Во всяком случае, римский нос мистера Уопсла так раздражал меня, пока оглашался список моих провинностей, что я готов был вцепиться в него и не отпускать, покуда его обладатель не взвоет. Но все, что я вытерпел до сих пор, не могло сравниться с тем смятением, какое охватило меня, когда молчание, которое последовало за рассказом моей сестры и во время которого (как я мучительно сознавал) все смотрели на меня с гневом и отвращением, — когда это молчание было нарушено.

— А между тем, — сказал мистер Памблчук, ловко возвращая собеседников к предмету, от которого они отклонились, — свинина в вареном виде, право же, недурная вещь, а?

— Выпейте бренди, дядя Памблчук, — предложила моя сестра.

О господи, вот оно! Сейчас он почувствует, что бренди разбавлено, и скажет это, и все пропало! Обеими руками я крепко ухватился под скатертью за ножку стола и стал ждать, что будет.

Сестра отправилась за глиняной бутылкой, принесла ее и налила мистеру Памблчуку — кроме него, никто не пил. Злодей повертел стакан в руках, поднял его, посмотрел на свет, поставил на стол, точно задался целью продлить мои мучения. А тем временем моя сестра и

Джо быстро убрали со стола все лишнее, чтобы освободить место для паштета и пудинга.

Я неотступно смотрел на мистера Памблчука. Крепко обхватив руками и ногами ножку стола, я следил за тем, как этот презренный человек любовно оглядел стакан, поднял его, сладко улыбнулся, запрокинул голову и залпом выпил до дна. В следующее мгновение неизъяснимый ужас отразился на всех лицах: мистер Памблчук вскочил со стула, несколько раз перевернулся на месте в каком-то судорожном коклюшном танце и ринулся к двери; а затем мы увидели его в окно: явно лишившись рассудка, он прыгал, отплевывался и строил рожи одна страшнее другой.

Я крепко держался за ножку стола, между тем как сестра и Джо бросились к мистеру Памблчуку на помощь. У меня не оставалось сомнений, что я убил его, неведомо как и чем. Поэтому я даже испытал некоторое облегчение, когда его втащили обратно в кухню и он, окинув собравшихся таким взглядом, будто это они во всем виноваты, опустил на стул и выдохнул одно роковое слово:

— Деготь!

Второпях я долил в бутылку дегтярной воды! Я знал, что через некоторое время ему станет еще хуже, и так налег на ножку стола, что, уподобившись нынешним медиумам, даже сдвинул его немного с места.

— Деготь! — в изумлении повторила сестра. — Да как же туда мог попасть деготь?

Но дядя Памблчук, чувствовавший себя в нашей кухне полновластным хозяином, не желал и слышать этого слова или говорить об этом предмете и, отмахнувшись величественным мановением руки, потребовал горячего джина. Сестра, впавшая было в подозрительную задумчивость, тотчас захлопотала — нужно было принести джин и горячую воду, смешать их с сахаром, добавить лимонной корочки. На какое-то время я был спасен. Я все не отпускал ножку стола, но теперь обнимал ее с чувством самой пылкой благодарности.

Скоро я настолько успокоился, что разжал руки и занялся пудингом. Мистер Памблчук занялся пудингом. Все занялись пудингом. Покончили и с этим блюдом, и под благотворным воздействием

горячего джина мистер Памблчук повеселел. Во мне уже затеплилась надежда, что я переживу этот день, но тут моя сестра обратилась к Джо:

— Поддай чистые тарелки, греть не надо.

В тот же миг я опять впился в ножку стола и прижал ее к груди, как друга детства и закадычного товарища. Я знал, что последует, и чувствовал, что на этот раз погиб безвозвратно.

— А на закуску, — сказала сестра, подарив гостей любезнейшей улыбкой, — я прошу вас отведать одного замечательного, редкостного кушанья — это подарок дяди Памблчука.

— Отведать? Пусть лучше и не надеются!

— Я скажу вам, что это такое, — продолжала сестра, вставая. — Это паштет; вкуснейший свиной паштет.

Раздался ропот одобрения. Дядя Памблчук, всегда готовый признать свои заслуги перед ближними, произнес, можно даже сказать, игриво (принимая во внимание все обстоятельства):

— Что ж, рады стараться; давайте-ка посмотрим, что это за паштет.

Сестра вышла из кухни. Я слышал, как она направилась к кладовой. Я видел, как мистер Памблчук вооружился ножом и как от нового приступа аппетита раздулись римские ноздри мистера Уопсла. Я слышал замечание мистера Хабла, что «свиным паштетом можно заесть что угодно, вреда не будет», и слова Джо: «Тебе тоже дадут, Пип». До сих пор не знаю, только ли мысленно я испустил пронзительный вопль или его слышали остальные. Почувствовав, что мне больше не выдержать, что нужно спастись, я отпустил ножку стола и сломя голову бросился к двери.

Но дальше порога я не добежал, потому что с размаху врезался в целую партию солдат с мушкетами, и один из них сказал, протягивая мне наручники:

— Ага, попался, ну теперь берегись!

Появление отряда солдат, которые стучали прикладами заряженных ружей о порог дома, заставило обедавших встать в замешательстве из-за стола. В это время миссис Джо вернулась в кухню с пустыми руками и остановилась неподвижно, с выражением ужаса, восклицая:

— Боже мой! Куда девался мой пирог?

Мы с сержантом были тогда в кухне, и эта выходка миссис Джо отчасти привела меня в себя. Сержант перед тем говорил со мной, а теперь он любезно обратился во всей компании, держа в одной руке кандалы, а другой опираясь на мое плечо.

— Прошу прощения, леди и джентльмены, — сказал сержант, — но, как я уже докладывал этому юному франту (он мне ничего не докладывал!), я именем короля послан в погоню, и мне нужен кузнец.

— А позвольте узнать, зачем он вам понадобился? — спросила сестра, задетая за живое тем, что Джо кому-то нужен.

— Сударыня! — галантно ответил сержант. — От своего имени я бы сказал — ради чести и удовольствия познакомиться с его прекрасной супругой; от имени же короля скажу, что у меня есть к нему небольшое дельце.

Все поняли, что сержант за словом в карман не лезет, а мистер Памблчук даже произнес довольно громко:

— Хорошо сказано!

— Понимаете, хозяин, — продолжал сержант, подходя к Джо, в котором он тем временем распознал нужного ему человека, — у нас с этими наручниками промашка вышла, и теперь замок отказал и цепочка плохо работает. А они нам понадобятся сегодня же, так будьте добры взглянуть, в чем тут дело.

Джо взглянул и определил, что придется разжигать горн и работа займет часа полтора, а то и два.

— Вот как? Ну так принимайтесь за дело немедленно, — сказал расторопный сержант, — помните, вы служите его величеству королю. Если понадобится помощь, мои люди к вашим услугам.

Он кликнул своих солдат, и они гуськом протопали в кухню и, составив ружья в углу, столпились у дверей, кто сцепив перед собой руки, кто прислонясь плечом к стене, поправляя ремни и подсумки, изредка открывая дверь и вытягивая шею, сдавленную высоким воротником мундира, чтобы сплюнуть во двор.

В то время я и не сознавал, что замечаю все это, потому что был сам не свой от страха. Но, сообразив наконец, что наручники предназначаются не для меня и что с появлением солдат пафлет скромно отодвинулся на задний план, я стал понемногу собираться с мыслями.

— Виноват, который теперь час? — обратился сержант к мистеру Памблчуку, очевидно считая, что, раз этот последний понимает толк в людях, он должен иметь понятие и о времени.

— Ровно половина третьего.

— Ну, это еще ничего, — сказал сержант, прикинув что-то в уме. — Даже если придется задержаться здесь часа на два, все равно успеем. Сколько от вас тут считается до болот? Наверно, не больше мили?

— Как раз миля, — сказала миссис Джо.

— Успеем. Начнем облаву с наступлением темноты. Таков приказ — перед самым наступлением темноты. Успеем.

— Беглые, сержант? — деловито осведомился мистер Уопсл.

— Да, — ответил сержант. — Двое. Есть сведения, что они еще на болотах, а пока светло, они не будут пытаться улизнуть оттуда. Из вас тут никому не попадалась на глаза такая птица?

Все, кроме меня, чистосердечно ответили в отрицательном смысле. Обо мне никто не подумал.

— Ничего, — сказал сержант, — они и не подозревают, как скоро окажутся в кольце. Ну, хозяин, вы, я вижу, готовы, а его величество король и подавно.

Джо, успевший снять сюртук, шейный платок и жилет и надеть кожаный фартук, первым прошел в кузницу. Один из солдат отворил ставни, другой разжег огонь, третий взялся за мехи, остальные стали кружком у огня, который разгорелся быстро и жарко. И пошел тут у Джо стук и звон, стук и звон, а мы все смотрели, как он работает.

Всеобщее увлечение предстоящей погоней так захватило мою сестру, что она даже расщедрилась — нацедила солдатам из бочки кувшин

пива, а сержанту предложила стаканчик бренди. Но мистер Памблчук решительно заявил: «Дайте ему вина, сударыня, уж в вине-то не будет дегтя, за это я ручаюсь», после чего сержант поблагодарил его и сказал, что предпочитает напитки без дегтя, а потому, если не будет возражений, лучше выпьет вина. Когда ему поднесли, он провозгласил здоровье его величества, поздравил всех с праздничком и, одним духом осушив стакан, громко причмокнул губами.

— Ну как, сержант, недурное винцо? — спросил мистер Памблчук.

— Сдается мне, — отвечал сержант, — что это винцо вы сами и раздобыли.

— Почему же это вам так сдается? — спросил мистер Памблчук с самодовольным смешком.

— А потому, — отвечал сержант, хлопнув его по плечу, — что вы человек понимающий.

— В самом деле? — спросил мистер Памблчук с тем же самодовольным смешком. — Выпейте еще стаканчик!

— Только с вами. За нашу дружбу, — отвечал сержант. — Чокнемся! И еще разок! Вон как славно поют стаканчики! Ваше здоровье! Дай вам бог прожить тысячу лет и чтобы вы всегда выбирали такие же отменные вина!

Сержант залпом осушил и этот стакан и, казалось, не прочь был выпить третий. Я заметил, что мистер Памблчук в пылу гостеприимства, видимо, совсем забыл, что принес вино в подарок, — он взял у миссис Джо бутылку и распорядился ею, как радушный хозяин. Даже мне досталось немножко. Когда первая бутылка кончилась, он велел подать вторую и распорядился ею не менее щедро.

Глядя, как оживленно они толпятся в кузнице и как им весело, я думал — какой отличной закуской оказался для них мой беглый болотный знакомец! За обедом, до того как он доставил им столько развлечений, им было куда скучнее. И теперь, когда все только и мечтали о том, как «злодеи» будут изловлены, и словно вослед беглецам ревели мехи и тянулись языки пламени, и дым устремлялся в погоню за ними, и ради них стучал и звенел молотом Джо, и, угрожая им, металась по стене зловещие тени, а огонь то разгорался, то спадал и красные искры гасли на излете, — детскому моему воображению

смутно представлялось, что бледный день за окном побледнел от жалости к этим горемыкам.

Но вот Джо закончил работу, стук и гудение стихли. Надевая сюртук, Джо набрался смелости и предложил, не пойти ли нам вместе с солдатами — посмотреть на облаву. Мистер Памблчук и мистер Хабл отказались, их больше прельщало покурить трубочку в обществе дам; но мистер Уопсл сказал, что охотно составит компанию Джо, а Джо сказал, что, ежели миссис Джо позволит, он возьмет с собой и меня. Я уверен, что нас нипочем бы никуда не пустили, но самой миссис Джо до смерти хотелось узнать, чем кончится погоня. Она поставила лишь одно условие:

— Если мальчишке там голову разнесет пулей, я ее склеивать не буду, не надейся.

Сержант учтиво простился с дамами, а с мистером Памблчуком расстался как со старым другом, хотя я подозреваю, что без помощи живительной влаги он едва ли оценил бы достоинства этого джентльмена. Солдаты разобрали ружья и построились. Мистер Уопсл, Джо и я получили строгий приказ — держаться в арьергарде и не произносить ни слова, после того как мы выйдем на болота. Когда мы, поеживаясь от холода, бодрым шагом выступили в поход, я изменнически шепнул Джо:

— Хорошо бы мы их не нашли.

А Джо шепнул мне в ответ:

— Я бы шиллинга не пожалел, если бы им удалось удрать, Пип.

Больше никто из жителей деревни не пошел с нами: погода была холодная, неприветливая, дорога унылая, под ногами скользко; к тому же темнело, а дома люди грелись у камелька и справляли праздник. Тут и там на нашем пути удивленные лица поспешно приникали к освещенным окнам, но наружу никто не вышел.

Дойдя до перекрестка, мы свернули прямо к кладбищу. Здесь по знаку сержанта сделали короткую остановку, и солдаты рассыпались среди могил и осмотрели церковную паперть. Они возвратились, не обнаружив ничего подозрительного, и мы вышли через боковые ворота на просторы болот. Восточный ветер стал хлестать нам в лицо мокрым снегом, и Джо взял меня на закорки.

Только сейчас, на пустынной равнине, где я побывал восемь-девять часов тому назад и видел обоих каторжников (как бы все удивились, если бы узнали об этом!), мне пришла в голову страшная мысль: а вдруг, если мы их найдем, мой арестант решит, что это я привел сюда погоню? Ведь он спрашивал, не обманул ли я его, и сказал, что я был бы никудышным щенком, если бы стал его травить. Неужели он подумает, что я и вправду щенок и обманщик и мог так подло предать его?

Но теперь это был праздный вопрос. Я сидел на закорках у Джо, а Джо брал одну канаву за другой, как охотничья лошадь, и покрикивал мистеру Уопслу, чтобы тот не отставал и, боже сохрани, не ткнулся в землю своим римским носом. Солдаты двигались впереди, растянувшись длинной цепью. Мы держались того же направления, по какому я шел утром, пока не заплутал в тумане. Сейчас туман либо еще не пал, либо его развеяло ветром. В красном зареве заката были ясно видны и маяк, и виселица, и холм с батареей, и дальний берег реки — все одинакового мутно-свинцового цвета.

Я напряженно всматривался вдаль, и сердце у меня стучало о широкую спину Джо, как кузнечный молот. Но никаких признаков беглых я не мог уловить. Сперва меня сильно пугало сопение и тяжелое дыхание мистера Уопсла, но потом я привык к этим звукам и уже знал, что они не имеют отношения к предмету наших поисков. Один раз я вздрогнул от ужаса: мне показалось, что я все еще слышу скрежет подпилка; но то был лишь овечий колокольчик. Овцы поднимали головы и робко смотрели на нас, коровы, отворачиваясь от ветра и мокрого снега, провожали нас сердитыми взглядами, словно это мы принесли им непогоду, и боязливо шелестела трава в последних отблесках дневного света, — больше ничто не нарушало безотрадной тишины болот.

Солдаты все приближались к старой батарее, и мы шли следом, немного позади их цепи, как вдруг все стали: на крыльях дождя и ветра до нас донесся протяжный крик. Потом второй. Он возник далеко от нас, где-то к востоку, но был протяжный и громкий. Казалось даже, что кричат сразу два или три человека, так сбивчиво и неясно долетал до нас этот звук.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ